

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Интекст как языковой ключ культурного кода (на материале писем А. Минкина Президенту)

© доктор филологических наук В.И. Шаховский, 2008

Среди различных произведений, как художественных, так и публицистических, имеются произведения, подобные работам У. Фолкнера, В. Пелевина и др., которые представляют собой смесь культурных пластов конкретного этноса и потому непонятны многим читателям. Фильмы Феллини и Тарковского также понятны не многим, но по другой причине – в силу их специфической элитарности (в старом, возвышенном, значении этого слова).

Публикации же журналиста газеты «Московский комсомолец» (далее – «МК») А. Минкина понятны всем, хотя оцениваются читателями по-разному. Это объясняется различными шкалами ценностей его читателей. Контент-анализ его публикаций показывает, что их всеобщая понятность объясняется огромной эрудицией этого автора, многослойностью его культурной памяти, искусным владением русским культурным кодом и набором ключей к нему.

А. Минкин в «МК» не только транслирует культурные таксоны (единицы) на читателей, но и индуцирует их в общественном сознании и в общественной памяти его читателей. Своими публикациями он как бы переворачивает содержание пластов культурного фонда и вытаскивает на поверхность те из них, которые созвучны современным событиям, фактам, оценкам.

Достигает он этого эффекта, благодаря феномену, получившему в лингвистике название «интертекстуальность», средством экспликации которой, среди прочих, являются интексты, которым и посвящена данная работа.

Остановимся на базовых понятиях категории интертекстуальности.

Теория интертекстуальности начала привлекать внимание лингвистов после опубликования статьи малоизвестного тогда автора Ю. Кристевой [Кристева 1967; 2007]. В отечественном языкознании значительный интерес мгновенно вызвала статья И.В. Арнольд [Арнольд 1993] об аллюзиях, ссылках, цитатах, которые повторяются из текста в текст, тем самым, связуя их в единый сверх- или гипертекст. Такая проблема могла родиться только в парадигме текстолингвистики, которую долгое время отрицали довольно крупные учёные-филологи (например, [Кривonosов 1986] и др.).

С тех пор было написано множество статей, диссертаций и монографий, как по текстолингвистике, так и по одной из её проблем – меж-

текстовой связи или интертекстуальности ([Петрова 2005; Филиппова 2008] и др.).

В таких исследованиях было установлено, что постоянно создаваемые новые тексты не могут быть «чисто» новыми, а являются вторичными (см., например, [Ионова 2006]). Они опираются на предыдущие тексты, воспроизводя, тем самым, фрагменты общенациональной когнитивной базы автора и читателя с опорой на их общие культурные знания. Эта идея находит подтверждение в следующей цитате. «В процессе интерпретации художественного произведения встаёт вопрос о межтекстовой компетенции читателей, которая основана на том, что в объёме памяти хранятся следы ранее прочитанного, приёмы литературных описаний, модели разных жанров, тропов, схемы возможных стратегий интерпретации» [Арнольд 1993: 9].

Без этих вкраплений из предыдущих текстов восприятие «новых» текстов было бы чрезвычайно затруднено или невозможно. Вкрапление в «новые» тексты элементов предыдущих текстов теперь уже неоспоримо обозначается термином интертекстуальность.

Под термином «интертекстуальность», в общем смысле, понимают взаимодействие отдельных текстов в плане их содержания и выражения ([Арнольд 1993; Гончарова 1993] и др.).

По М.М. Бахтину, всё общение человека, в том числе, и через текст, является диалогичным [Бахтин 1976]. В случае интертекстуальности эта диалогичность проявляется в межтекстовом общении через аллюзии, цитирование, сноски и т. п.

В современной теории интертекстуальности наиболее широким её толкованием является семиотическое, а именно – воспроизведение в межтекстовых связях одного и того же кода, благодаря чему эта межтекстовая связь понимается и обогащается новыми смыслами, поэтому в каждом «новом» тексте, опирающемся на предыдущий, происходит явление “semantic stretching” – как добавление новых знаний, так и их суммативное выведение. Так, В.Н. Топоров исследует текст как особую «диахроническую матрицу», сквозь которую как бы проступает другой текст [Топоров 1987: 99].

Представляет интерес конкретизирующее определение интертекстуальности Е.А. Гончаровой. По её мнению, интертекстуальность является характеристикой художественной структуры, предполагающей «незамкнутость» художественного текста по отношению, во-первых, к иным художественным системам и структурам, а, во-вторых, к читателю. Тезаурус каждого читателя тоже представляет собой определённую незамкнутую систему пресуппозиций, обуславливающих полноту восприятия читателем элементов художественной структуры в их интегральной целостности (см. [Гончарова 1993: 20-21]). Как показывает наше исследование, такая характеристика свойственна для публицистики журналиста А. Минкина.

Кроме того, при рассмотрении понятия «интертекстуальность» следует учитывать, что существует две её стороны: читательская (исследовательская) и авторская. С точки зрения читателя, как показывает в своей работе Н.А. Фатеева, интертекстуальность представляет собой установку на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания за счёт установления многомерных связей с другими текстами (или внутри одного текста). С точки зрения этого автора, интертекстуальность – это способ порождения собственного текста и своего «Я» (см. [Фатеева 1997: 322]).

В этой связи говорят о существовании автоинтертекстуальности.

Предшествующие тексты, фрагменты которых находят своё повторение в последующих текстах, в текстолингвистике стали называть прецедентными текстами.

Проблема прецедентности, как часть теории интертекстуальности и как самостоятельная теория, также достигла высокого исследовательского уровня и обширного объёма знаний [Красных и др. 1997].

Проблема прецедентности, зародившись в парадигме текстолингвистики, тесно связала последнюю и с лингвокультурологией ([Красных 2001; Телия 2006] и др.). Лингвокультурология, в свою очередь, связала проблемы прецедентности и интертекстуальности с лингвокогнитивными исследованиями языковой картины мира и с концептологией. Это объясняется тем, что когнитивная языковая / речевая / коммуникативная / дискурсивная личность, создавая свой собственный текст, воспроизводит свои или чужие тексты сообразно своему мировоззрению, эмоциональному дейксису [Жура, Шаховский 2002] и эмоциональному интеллекту [Goleman 1997]. Тексты такого рода репрезентируют индивидуальную картину мира креативной личности.

Теперь уже никем не оспаривается коммуникативная природа текста, т. е. то, что текст является единицей коммуникации, а также то, что текст не отображает мир, а лишь его интерпретирует, в том числе, и через отсылки к предыдущим интерпретациям или их фрагментам.

Как отмечает С.Г. Филиппова, интертекстуальные включения маркируют авторскую интенцию и «составляют часть интерпретационной программы художественного текста, т.е. являются сигналами адресованности» [Филиппова 2008: 11].

Важнейшей функцией интертекстуальности, по нашему мнению, в ряду других функций (суггестивная, стилеобразующая, индуктивная, когнитивная, ассоциативно-образная, фасцинативная, прагматическая и др.), является текстообразующая.

Как известно, интертекстуальность – универсальный семиотический закон, работающий в многомерном интертекстуальном пространстве гипертекста (мегатекста).

Выше приведёнными толкованиями термина «интертекстуальность» нельзя ограничиться, в силу её многомерности. Это видно и из

того толкования интертекстуальности, которое даёт Н.В. Петрова: «под интертекстуальностью понимаются формообразующие и смыслообразующие взаимодействия различного рода дискурсов, вербальных и невербальных текстов» [Петрова 2005: 2]. Этой своей гранью интертекстуальность примыкает к дискурсивной лингвистике, что ещё раз подтверждает наш тезис о её многополярности и поднимает проблему интердискурсивной интертекстуальности.

Получается, что к тем категориям текста, которые выделяют И.Р. Гальперин [Гальперин 1981], З.Я. Тураева [Тураева 1986] и другие лингвисты, с позиций современного уровня знаний, можно безоговорочно причислить и интертекстуальность как текстовую категорию.

Для теории интертекстуальности ключевыми (знаковыми) являются такие терминопонятия как «общий культурный код», «общая когнитивная база», как для одноязычных, так и для разноязычных коммуникантов (ср., например, универсальное для всего человечества знание об Иисусе Христе и национально-специфическое о боярыне Морозовой и др.).

Общие знания вертикальны и имеют разную глубину своих когнитивно-культурных пластов. Язык осуществляет межпоколенную связь этих знаний, не только аккумулируя их, но и выстраивая знаниевую вертикаль. Именно язык является главным ключом к этим знаниям для каждого следующего поколения, который открывает кладовую знаний, хранящихся на определённом пласте истории. Межпоколенная связь этих общих знаний не должна прерываться. И при эволюционном развитии она не прерывается. А в случае революционного взрыва (ср. с культурным взрывом по Ю.М. Лотману) происходит отрыв одного поколения от предыдущих. В таких случаях обычно говорят о поколении «иванов, не помнящих родства». Нечто аналогичное наблюдается сейчас в языковом сознании и коммуникативном поведении современных российских подростков, для которых имена Чапаева, Ленина, Пушкина и др., а также события «Великая Отечественная Война», первый полёт в космос и имя Гагарина ничего не значат, т.к. у этого поколения отсутствуют общие с современным старшим поколением культурные знания, что усугубляет проблему отцов и детей в коммуникативном плане.

Базовый культурный пласт советского периода, так же как базовый культурный пласт дореволюционной России и все прочие культурные пласты, транслируются по культурной вертикали времени лишь фрагментарно. Поэтому современному журналисту, писателю, учителю и ВУЗовскому преподавателю – хранителям, носителям таксонов культуры – необходимы особый талант и коммуникативное мастерство, чтобы своими речевыми произведениями вызывать / индуцировать фрагменты базовых культурных знаний.

Интертекстуальные вкрапления в совокупности составляют общие знания определённого этноса. Эта совокупность знаний называется

когнитивной базой всех коммуникантов данной общности как аддитивный компонент универсальной когнитивной базы мирового / общечеловеческого языка. Вкрапления, входящие в последующие тексты, становятся интекстами, ключом к пониманию которых выступает культурный код.

Уже более никем не оспаривается положение о том, что язык отражает культуру и транслирует ее из одной языковой среды в другую, о том, что язык осуществляет межпоколенную лингвокультурологическую связь и что сам язык является таксоном культуры, поскольку язык и культура являются двумя семиотическими кодами (см. [Шаховский 2006: 2]).

При всём расхождении определений понятия «культура» современная наука уже не отрицает того, что культура является продуктом многовековой, многослойной деятельности, беспрестанно развивающейся и меняющей свою конфигурацию в зависимости от изменяющихся форм осознания человеком мира, которая облигаторно инкорпорирована во все языковые знаки, в том числе фразеологические (см. [Шаховский 2006: 5]).

Наиболее полным мы считаем определение, приведённое В.Н. Телия: «культура – это результат восприятия мироздания как лона собственного человеческого бытия, творимого человеком в процессе его жизнедеятельностного опыта – трудовых практик, знаний, социальных отношений, религий и фантазий» [Телия 2006: 776].

Любое словесное творчество и, прежде всего, художественное, может служить полигоном для вытягивания на поверхность содержимого культурного кода русского языка (см.: [Шаховский 2007 Б: 10]).

Все прецедентные имена, события, факты, явления хранятся в этнической или мировой культурной памяти в виде свёрнутых номинаций, например, «30 сребреников», «Павлик Морозов», «Понтий Пилат», «рыцари-псы», «Мамаево побоище», «королева-мать Виктория» и др.

Одним из наиболее ярких примеров таких кодовых ключей к всемирной культурной памяти и общечеловеческому знанию является имя Понтия Пилата. Текст-оригиналом, повествующим о нём, является Библия, в которой представлен эпизод допроса Иисуса Христа прокуратором Пилатом Понтийским.

Перед Понтием Пилатом стояла мучительная задача определить виновность / невиновность Иисуса Христа. Данный эпизод как текст, включающий в себя прецедентное событие и прецедентное имя, является интекстом во многих художественных произведениях. В отечественной литературе впервые мы встречаемся с этим эпизодом в романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Значительно позже он почти слово в слово повторяется в романе Ч. Айтматова «Плаха» и совсем недавно этот эпизод с мельчайшими подробностями воспроизводится внутри романа, посвящённого самому Понтию Пилату. Из всех известных нам

интертекстуальных вкраплений этого эпизода на фоне всего романа Алексея Меняйлова «Понтий Пилат: психоанализ не того убийства» этот эпизод представляется наиболее развёрнутым и в смысле самого события, и в смысле прецедентного имени. «Понтий Пилат» А. Меняйлова как интекст является, на наш взгляд, более обогащённым, чем библейская информация.

Это объясняется тем, что А. Меняйлов с помощью интерключа «Понтий Пилат» проникает за занавес внутренних механизмов, мотивов и движителя принятого им решения. Из романа А. Меняйлова мы узнаём, что такой вердикт был отнюдь не Пилата, а его супруги – Уны, которой она ему сумела незаметно внушить.

В каждом новом контексте один и тот же интекст варьирует свой исходный смысл, обогащается новыми семами из каждого нового текста. И, т.о., культурная память об этом инциденте обогащается и адаптируется к новому мировоззренческому восприятию.

Интексты транслируются в хронотопе (их смыслы либо расширяются, либо сужаются). Некоторая часть сегодняшней российской молодёжи интекст «Понтий Пилат» воспринимает как нулевое знание и как нулевой концепт. Таких интекстов, которые современная российская молодёжь воспринимает как нулевое знание, много. Без тех личностей, которые хоть как-то скрепляют разные временные и культурные пласты и в современной действительности находят им эпентезы, может произойти отторжение двух-трёх поколений друг от друга в культурном пространстве и может произойти разрыв, забвение и разрушение культурного кода. А это приводит к учащению коммуникативных неудач и даже провалов. По нашему мнению, А. Минкин исполняет роль скрепы культурных пластов разных поколений своими публикациями в «МК». И в этом мы видим терапевтическую функцию его «Писем президенту».

Само имя «Александр Минкин» уже стало прецедентным; каждое из его писем – по отношению к следующему – это прецедентный текст, а все письма образуют мегатекст А. Минкина.

По нашему мнению, этнический культурный код – это определённая совокупность знаний о культуре данной языковой общности. Эти знания существуют в свёрнутом виде, включая в себя национальный предметный код. В культурный код входят: этническая картина мира, лингвально-национальное мировоззрение, базирующееся на истории общества, его стереотипах, традициях, нравах, шкале оценок, культурных ценностях. Единицы культурного кода номинируются ментальными, языковыми или предметными знаками (архитектура, Венера Милоская и др.).

Кроме этого, культурный код – это и конгломерат систем знаний о народе, данном языке и правилах пользования им.

Культурный код имеет ядро и периферию; в силу этого не все члены конкретного культурного сообщества владеют всеми необходимыми

знаниями – ключами к ядру культурного кода, не все могут добраться до его ядра (как в случае с творчеством Феллини и Тарковского, Фолкнера и Пелевина).

Определение культурного кода дать сложно, как и определение самой культуры, поэтому возможна только его дескрипция, более или менее полно освещающая содержание данного неопредельного понятия.

Базовые культурные знания систематизируются, структурируются, получают кодовое обозначение через так называемые единицы культурного кода, которые могут быть не только вербальными (словными, в виде имён собственных, имён нарицательных, фразеологизмов, паремий, цитат, афоризмов и т.п.), но и невербальными (предметными – природными и артефактными), а также ментальными (стереотипы, нравы, обычаи, традиции, обряды, ритуалы, ценностные ориентации, оценочные стандарты, типические представления, культурные сценарии и др.). Конгломерат всех культурных единиц определённой языковой общности формирует её культурный код. В культурном пространстве любого этноса существует свой собственный культурный код.

В современной теоретической литературе этой проблеме больше всех внимания посвятили В.Н. Телия, В.В. Красных, Д.Б. Гудков.

Под культурным кодом большинство лингвистов понимают «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его (см., например [Красных 2002: 232]). Таким образом, в каждом этносе существует своё культурное пространство, которое включает культурные таксоны, имеющие вербальное обозначение. Эти обозначения выступают в роли единиц кода и ключей к нему. С помощью этих ключей, через единицы культуры, коммуниканты развёртывают тексты, закодированные в этих единицах культуры. Этими текстами могут быть события, факты и древнейшие культурные архетипические представления человека данной культурной общности. К кодовым единицам, кроме выше перечисленных, относятся: символы, мифемы, мифологемы, культурные сценарии, эталоны, концепты.

У лингвокультурологов уже не вызывает сомнения, что кодирование культурного пространства посредством символов человек начинает с самого себя. Совокупность культурных кодов (соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, зооморфный, природно-ландшафтный, духовный и др.) и составляет внутри этноса его культурное пространство.

Единицы культурного кода обладают культурными смыслами, значениями, коннотациями и ассоциациями, соотносящимися с определёнными культурными референтами.

Т.о., сама культура может быть представлена как совокупность различных кодов (например – духовный, соматический и др.).

Д.Б. Гудков определяет соотношение между языковым и культурным кодами как между первичным и вторичным; считает оба кода семиологическими [Гудков 2004].

Культурно значимая информация может быть представлена как в денотативной, так и в коннотативной части слова, что позволяет креативному автору, каким является журналист А. Минкин, играть импликациями и вызывать ассоциативные смыслы, прецедентные события, факты и имена, даже через намёки, а не через прямые / косвенные номинации. Например, Гулливер и лилипуты – это таксоны британской культуры, вошедшие в общекультурный фонд мирового сообщества, символизирующие антитезу огромного (великого) и маленького (ничтожного), могут быть употреблены для преувеличения или преуменьшения размеров значимости какого-либо человека.

Выше рассмотренные теоретические положения об интертекстуальности, когнитивной базе знаний, культурном коде национального культурного пространства и единицах культурного кода нам были необходимы для того, чтобы, рассматривая творчество журналиста А. Минкина, показать на конкретных примерах таксонов русской культуры их тексто- и смыслообразующую роль / функцию. Напомним, что целью данной статьи является попытка вскрыть механизмы индуцирования у читателя публикаций А. Минкина соответствующих знаний, оценок и эмоциональных чувствований через специальные журналистские приёмы. К этим приёмам мы относим закавыченное и раскавыченное цитирование и сопоставление схожих событий старины и современности.

В частности, нас интересуют количественность классических произведений, прямое и косвенное цитирование конкретных классиков и персонажей современной власти в связи с известными на всю страну событиями и фактами, важными для жизни страны и её международного имиджа.

Главным методом нашего исследования было установление референций между такими событиями и фактами, чтобы через единицы общего для автора и его читателя культурного кода эксплицировать оценочные проекции автора.

Нами проанализировано около 100 писем А. Минкина президенту. Рассмотрим, например, какие культурные таксоны есть в письме «Разрушение веры. Телепередача пасхального яйца» и через какие языковые единицы автор указал читателю на эти таксоны.

Так, стихотворение Г. Державина «Властителям и судиям», использованное в письме в качестве одного из интекстов, т.е. в качестве одной из единиц культурного кода России, позволяет А. Минкину воспользоваться им как ключом к современной культуре и как через увеличительное стекло посмотреть на современные взаимоотношения государства и церкви в России. В этом письме А. Минкин через поэму Державина

напоминает: *Восстал всевышний бог, да судит / земных богов во сонме их...*

Кроме этого стихотворения, в этом письме используются следующие единицы культурного кода: библеизмы (*Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом Божиим, Христос воскрес!*, *крестный ход, пасхальное яйцо* и др.); единицы современного кода «культуры» (*террор, взбудораженные гормоны, ящик* и др.); единицы общекультурного кода (*рыцари круглого стола, всемирный потоп, Содом и Гоморра* и др.).

Таким образом, конвергенция единиц культурных кодов, используемых А. Минкиным в данном письме, состоит из прототипических российских, современных российских, а также общекультурных единиц.

Антитеза прототипических и современных российских культурных единиц на фоне единиц общекультурного кода интенсифицирует и расцветчивает смыслы ключевого слова данной статьи А. Минкина – *душа*, которое в различных сочетаниях и в различных формах деривации употребляется здесь более 20 раз. И это неспроста, так как в другом своём письме – «Русская душа» – А. Минкин пишет, что у других народов есть характер, а у русских кроме характера есть ещё и душа. И эта душа, по нашему мнению, подвергается эрозии новыми культурными единицами российской действительности.

Все использованные А. Минкиным в данной статье интексты как ключ к культурному коду прошлого страны говорят об озабоченности А. Минкина-гражданина о душе России. Этой же озабоченностью проникается и читатель.

В своих письмах этот журналист использует свой литературный багаж как ключ к русской душе и душе президента, читателей «Московского Комсомольца», как проекции своих оценок на события, факты и их участников и как средство индуцирования эмоциональных чувствований.

Среди наиболее частотных интекстов А. Минкиным используются заковыченные цитаты из художественных произведений (поэзия, проза, фольклор – анекдоты, частушки, сказки, детские песенки). Все они по своей функции являются аллюзивными намёками, довольно-таки прямыми, на параллели с современными событиями его писем.

Подчеркнём, что нас интересуют лингвистические способности журналиста: его лингво-стилистический, лингво-когнитивный и культурный багаж, методика его оперирования этим багажом в коммуникативных целях. Прежде всего, то, как он использует интексты в качестве ключей к единицам культурного кода своего читателя. Эта методика заключается в том, что, используя эти ключи, он оживляет определённые культурные знания в языковом сознании читателя, соотносит их с современной культурой и с их помощью скрепляет разъединённое сознание читателей в единое культурное сознание, которое позволяет более

глубоко осмыслить современные события, факты, явления. Таков, в первом приближении, механизм применения А. Минкиным языковых ключей к культурному коду.

Как известно, всё познаётся в сравнении. И в этом смысле, литературный интекст выступает фоновым слайдом для рассматриваемого А. Минкиным события в жизни российского социума.

В письмах президенту А. Минкиным делаются ссылки, реминисценции, цитации на различных классиков. Наиболее частотна А. Минкин цитирует А.С. Пушкина. По нашему мнению, А. Минкина неосознанно тянет к творчеству А.С. Пушкина – не только потому, что тот был Солнцем русской поэзии, а потому, что их многое роднит друг с другом, что особенно заметно из письма, в котором цитируется «Памятник» и другие произведения А.С. Пушкина (входят в школьную программу): *Всё моё!*» - *сказало злато...*, *Властитель слабый и лукавый...* («Разрушение веры. Телепередача пасхального яйца»).

Данные аллюзии выполняют не только экспрессивно-образную, но и ассоциативно-образную функцию, вызывающую у читателей противоречивую оценку того, о чём пишет А. Минкин.

Почему классики в письмах А. Минкина закавычены? Потому что автор этим своим стиливым жестом устанавливает референцию между прецедентным и современным событиями и, тем самым, прямо напоминает о них адресату. С другой стороны, использование прецедентных имён классиков выполняет функцию культурного слайда прошлого, наложенного на современную культуру. Это наложение высвечивает неприглядную картину современной российской культуры. И такое использование слайдов прошлого является стилистическим приёмом журналиста А. Минкина, повышающим экспрессию и образность его замысла в этих письмах.

Квантитативный анализ прецедентных имён и аллюзий (123) и цитаций (34) классиков показал, что чаще всех А. Минкин упоминает и цитирует А.С. Пушкина.

Всего А. Минкиным 123 раза упоминается 39 авторов в 94 письмах.

Приведём результаты анализа: Лермонтов: 2-0¹, Жуковский: 1-0, Свифт: 0-1, Пушкин: 15-10, Окуджава: 2-2, Есенин: 13-2, Толстой Л.: 2-0, Сент-Экзюпери: 1-0, Гагарин-Михайловский: 1-0, Маршак: 1-0, Метерлинк: 1-0, Гомер: 2-0, Гораций: 1-0, Достоевский: 10-2, Шекспир: 2-0, Фолкнер: 3-3, Рабле: 1-0, Гёте: 1-0, Державин: 2-2, Толстой А.: 1-1, Брэдбери: 2-1, Блок: 1-0, Ахматова: 1-0, Мандельштам: 1-0, Пастернак: 1-0, Бродский: 1-0, Высоцкий: 1-1, Цветаева: 1-0, Рамю: 2-2, Фриш: 1-1, Ружемон: 1-1, Салтыков-Щедрин: 3-1, Некрасов: 1-1, Крылов: 1-1, Дю-

¹ В приводимых цифрах первая обозначает аллюзии, т. е. количество упоминаний фамилий классиков или их произведений, а вторая – количество цитат из их произведений.

ма: 1-1, Перро: 1-1, Гоголь: 4-1, Чехов: 5-2, Маяковский: 1-1, Лесков: 1-0.

Приведённые выше рассуждения и результаты количественного анализа писем А. Минкина свидетельствуют об особой силе притяжения между Александром Минкиным и Александром Пушкиным. Это, по нашему мнению, объясняется их душевной близостью, непреходящей актуальностью мыслей А. Пушкина, шкалой его ценностей и сопряжённостью их с А. Минкиным картин мира, хотя их разделяют века.

Каждое упоминание имён классиков в виде цитирования, аллюзии (в том числе, и в виде намёков), которые в данной статье не рассматривались, как и многие другие приёмы А. Минкина, старающегося вызвать у читателя определённые ассоциации, реакции и оценки, является языковым ключом к кладовой культурной памяти читателя, а, другой стороны, свидетельствует об огромном содержании такой кладовой у самого автора и его огромном эмоциональном интеллекте, поскольку все эти ключи эмоциональны сами по себе, и с их помощью журналист своими эмоциями моделирует эмоции адресата [Шаховский А 2007].

Получается это у него или нет – зависит от адресата. Одна и та же эмоция (например, возмущение) у разных адресатов может быть разновекторной и даже противоположной.

Все использованные А. Минкиным единицы культурного кода маркированы эмотивностью, эмоциональны и эмоциогенны. Межтекстовая компетенция читателя – это один из ключей декодирования смысла текста и единиц культурного кода, содержащегося в нём. Контекст и текст его писем декодируют эти единицы культурного кода, т. е. интексты. Эти письма являются эмоциональным стимулом для читателей, которые не безразличны ни к событиям, которые освещает А. Минкин, ни к тем средствам, которые он использует, чтобы возбудить сопутствующие эмоции у читателей. Особое место среди этих средств занимает интертекстуальность, которая реализует эмотивную функцию текста его писем.

Л и т е р а т у р а

- Арнольд 1993 – *Арнольд И.В.* Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // *Интертекстуальные связи в художественном тексте.* СПб., 1993. С. 4-12.
- Бахтин 1976 – *Бахтин М.М.* Проблема текста // *Вопросы литературы.* 1976, № 10. С. 122-131.
- Гальперин 1981 – *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гончарова 1993 – *Гончарова Е.А.* К вопросу об изучении категории «автор» через проблемы интертекстуальности // *Интертекстуальные связи в художественном тексте.* СПб., 1993. С. 20-28.
- Гудков 2004 – *Гудков Д.Б.* Единицы кодов культуры: проблемы семантики // *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей.* Вып. 26. М., 2004. С. 39-50.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2008. – Вып. 36. – 124 с. ISBN 978-5-317-02619-6

- Жура, Шаховский 2002 – Жура В.В., Шаховский В.И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002, № 5.
- Ионова 2006 – Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: Дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006.
- Красных 1998 – Красных В.В. Виртуальная реальность или реальность виртуальная. М., 1998.
- Красных 2002 – Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
- Красных 2003 – Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М., 2003.
- Красных и др. 1997 – Красных В.В.; Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. Филология. 1997, № 3. С. 62-74.
- Кристева 2007 – Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2007.
- Минкин 2007 – Минкин А.В. Письма президенту. М., 2007.
- Минкин 2008 – Минкин А.В. Письма президенту. 2-е изд., доп. М., 2008.
- Петрова 2005 – Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстобразования (на материале англо-американских коротких рассказов): Автореф. Дисс. ... д-ра филол. наук Волгоград, 2005.
- Телия 2006 – Телия В.Н. (Отв. ред.) Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2006.
- Топоров 1987 – Топоров В.Н. Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текстов. М., 1987. С. 99-130.
- Тураева 1986 – Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986.
- Фатеева 1997 – Фатеева Н.А. Интертекстуальность и её функции в художественном дискурсе // Функциональная семантика языка, семантика знаковых систем и метода их изучения. Материалы методологической конференции. Ч. 2. М., 1997. С. 321-323.
- Филиппова 2008 – Филиппова С.Г. Интертекстуальность как средство объективации картины мира автора: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
- Шаховский 2006 – Шаховский В.И. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: XV Межд. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. М.-Калуга, 2006. С. 347-348.
- Шаховский 2007А – Шаховский В.И. Эмоциональные валентности журналиста А. Минкина. Коммуникативный стиль и тональность писем к президенту // Политический дискурс в России-10: Материалы X юбилейного всероссийского семинара. / Под ред. В.Н. Базылева. М., 2007. С. 287-299.
- Шаховский 2007Б – Шаховский В.И. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий // Журнал польской академии наук Stylistyka: style and time, № 16. 2007. С. 649-658.
- Cristeva 1967 – Cristeva J. Bakhtin, le mod, le dialogue, et le roman // Critique. Paris, 1967, № 23. P. 438-465.
- Goleman 1997 – Goleman D. The Emotional Intelligence. Books, 1997.